

РОССИЯ И ЕВРОПА ГЛАЗАМИ РОССИЯН

В статье изложены результаты проведенного в 2002 г. исследования характеристик общественного мнения россиян о направлениях и формах российско-европейского сотрудничества. В исследовательские задачи входило также выявление ценностно-смыслового содержания образа Европы в восприятии россиян, роли культурно-информационных факторов в формировании соответствующих представлений. Опираясь на опыт предыдущих исследований, мы исходили из того, что массовое сознание россиян весьма восприимчиво к внешнеполитической проблематике. Позиции наших сограждан отличаются заметной определенностью: по всем ключевым вопросам доля респондентов, затруднившихся ответить на них, находится в пределах 7-20%.

В статье в сокращенном виде представлена часть доклада о результатах исследования "Европа и Германия глазами россиян", выполненного рабочей группой Института комплексных социальных исследований РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в России. Доклад подготовлен *М.К. Горшковым* (руководитель), *П. Шульце* (соорководитель), *В.В. Петуховым* (зам. руководителя), *А.Л. Андреевым*, *А.Г. Здравомысловым*, *Е.И. Пахомовой*, *Е.Н. Кофановой*, *Н.Н. Седовой*, *Ф.Э. Шереги*. Помимо вопросов изучения общественного мнения россиян о российско-европейских взаимоотношениях в докладе также анализируются отношение россиян к современному внешнеполитическому курсу страны, представления о Германии и немцах.

Как показал опрос, общественные настроения в России в целом благоприятствуют развитию отношений с Европой. Так, свыше половины наших респондентов (51,5%) поддержали тезис о том, что Россия должна всемерно стремиться войти в Европейское сообщество, став частью общеевропейского экономического пространства. Цифра эта заведомо больше, чем известная доля так называемых западников. Кроме того, в это число определено входит и часть респондентов, считающих, что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой особую евразийскую цивилизацию, и часть тех, кто полагает, что европейские страны стремятся к ослаблению России и не склонны строить сотрудничество с ней на равноправной основе. Таким образом, большинство несмотря на противоречивые убеждения предпочитает движение в Европу (или "к Европе") другим вариантам развития.

Вместе с тем, нельзя не признать, что по вопросу "позиционирования" России в Европе и мире наши сограждане далеки от консенсуса. Об этом свидетельствует, в частности, их отношение к суждениям о месте России в Европе и европейском экономическом пространстве. Так, 42% опрошенных считают, что Россия - часть Европы; в XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов и в XXI в. будет теснее всего связана именно с этим регионом мира. 36% согласны с мнением, что Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток (затруднились с определением позиции 23%). 48% признают, что усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме России. 38% - развитые европейские страны заинтересованы в том, чтобы Россия преодолела кризис, так как Европа - это общий дом и для России, и для них самих.

Как видно, доля "евроскептиков" в целом меньше, чем сторонников интеграции с Европой, но также довольно представительна. Почти 30% опрошенных считают, что России входить в Европейское сообщество не обязательно, 19% - "а может быть, и не нужно". Причем в некоторых политических очень весомых регионах соотношение сторонников и противников вхождения в Европейское сообщество близко к паритетному. В их числе, между прочим, оказалась и Москва, где голоса "за" и "против" разделились в отношении 42% и 39%. Сторонники вхождения России в Европу приблизительно в одной и той же пропорции представлены во всех возрастных и образовательных группах, процент их заметно падает только в самой старшей возрастной когорте (42% после 60 лет), но доля твердых противников интеграции с Европой и здесь не выше, чем в среднем по выборке.

Сопоставляя мнения россиян по различным аспектам сотрудничества с Западной Европой и рассматривая "привязку" этих мнений к основным социальным группам и слоям, можно оценить ситуацию как неоднозначную, "бифуркационную". Она может развиваться в разных направлениях, в том числе и прямо противоположных, и будет оставаться неопределенной, пока сама жизнь не прояснит как концептуальные основы российско-европейского сближения, так и его возможные практические формы.

О том, насколько сотрудничество с Западной Европой важно для России, особо говорить не приходится. Но проблема заключается в том, что это не может быть улицей с односторонним движением, динамика этого процесса во многом зависит и от европейских партнеров. С этой точки зрения немалый интерес представляет вопрос о том, что думают россияне по поводу намерений Западной Европы в отношении России. Как показал опрос, считающих, что Западная Европа в принципе не заинтересована в сотрудничестве с Россией, явное меньшинство - 4,5%. Многие верят в то, что развитые европейские страны заинтересованы в выходе России из кризиса. Другой вопрос, какими мотивами руководствуется Европа, когда она развивает отношения с Россией? Здесь мнения разделились: 59% респондентов считают, что Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России (нефть, газ и т.д.); 23% - Западная Европа заинтересована в России в качестве противовеса мировому господству США; 20% - Западная Европа заинтересована в использовании культурного и интеллектуального потенциала России; 17% - Западная Европа заинтересована в равно-

правном экономическом сотрудничестве с Россией; 14% - Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России.

Таким образом, достаточно большое количество россиян считает, что Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией, развитии в ней демократии и рыночных реформ, использовании ее интеллектуального и культурного потенциала. Эти мнения коррелируют с той точкой зрения, что европейцы заинтересованы в укреплении общего дома, каковым Европа является и для них самих, и для россиян. Но одновременно, как уже отмечалось, в целом по стране почти половина опрошенных (48%) с данной позицией не согласна, считая, что европейцы не заинтересованы в подъеме России, поскольку усматривают в этом угрозу для себя.

Каков же социальный профиль этой части наших сограждан? Свыше 2/3 присоединившихся к данной точке зрения респондентов - люди малообеспеченные, а также живущие за чертой бедности. Определенное значение имеет и возраст: среди молодых (до 35 лет) и самых пожилых (старше 60 лет) респондентов это мнение высказывается несколько чаще, чем в среднем по выборке. При этом среди молодежи доля сторонников данной точки зрения значительно превышает число тех, кто придерживается альтернативных взглядов. Так, в самой младшей возрастной группе (до 20 лет) этот перевес более чем 2-кратный, тогда как среди респондентов, возраст которых лежит между 35 и 60 годами, разрыв составляет всего 1—4%.

Скепсис связан и с тем, что почти 60% респондентов полагают, что европейцам нужны в основном лишь природные ресурсы России. Колебания данного показателя по уровню образования и возрасту незначительны. В плане образования обращает на себя внимание только группа наименее образованных респондентов - тех, кто не окончил даже средней школы. В этой группе несколько чаще считают, что цель Западной Европы состоит в выстраивании равноправных отношений, и реже соглашались с тем, что европейцам нужны от России только нефть и газ.

В "возрастном срезе" на общем фоне выделяется когорта родившихся в 1972-1982 гг. Это поколение, входившее в жизнь в самом конце "перестройки" и начале либеральных реформ, когда в российском общественном сознании доминировала идея "вхождения в цивилизованное сообщество". Респонденты этого возраста также меньше упирают на интерес Европы к природным ресурсам России, но зато больше других склонны связывать этот интерес с противодействием глобальной гегемонии США. Впрочем, уже следующая возрастная когорта по сути восстанавливает парадигму сугубо прагматического истолкования европейских интересов в сфере сотрудничества с Россией, которой придерживаются лица более старших возрастов (начиная примерно с 30 лет).

Наиболее резко перепады мнений по мотивам сотрудничества выражены в региональном разрезе: колебания здесь достигают 10-20% и более. При этом особенно настаивают на "потребительском" отношении Запада к России москвичи, а менее других - жители Северного и Волго-Вятского районов.

Определенное распространение в российском обществе имеет мнение, что Западная Европа может быть заинтересована не только в природном богатстве, но и в культурном, интеллектуальном потенциале России. Особенно часто выделяют эту позицию лица с высоким уровнем образования (незаконченное высшее и высшее), а также молодежь до 20 лет, среди которой относительно большой процент составляют студенты. В указанных социально-демографических группах данную позицию отмечают на 7-10% чаще, чем в среднем по выборке. Региональные различия в этой связи также оказались значимыми: самый сильный акцент на значении культурно-интеллектуального компонента сотрудничества делают жители Санкт-Петербурга ("культурная столица"), несколько меньший - москвичи и жители географически наиболее близких к западной границе и наиболее "рыночных" по своим социально-политическим ориентациям регионов (Север, Северо-Запад). Наряду с этим в некоторых случаях можно обнаружить очень любопытную корреляцию в распределении мнений: в тех регионах, где доля респондентов, считающих, что Европа заинтересована в использовании куль-

турного и интеллектуального потенциала России поднимается выше средней, примерно в той же пропорции возрастает и число тех, кто специально отмечают геополитическое и геостратегическое значение России ("Европа заинтересована в России как в противовесе мировому господству США").

Обращает на себя внимание то, что такие позиции, как готовность Европы к равноправному сотрудничеству или ее стремление продвигать в России идеи демократии и рыночные реформы, как таковые собрали довольно мало голосов - соответственно 17% и 14%. Однако оба показателя опять-таки сильно варьируют по регионам, что особенно касается вопроса о заинтересованности Европы в равноправном сотрудничестве. Наиболее скептически настроены в этом плане жители Москвы.

Было бы, однако, неправильным считать, что россияне в большинстве своем склонны обвинять Запад в отсутствии стремления к равноправному сотрудничеству. Скорее речь идет о том, что сама Россия в ее нынешнем виде имеет весьма скромный потенциал предложений. Это особенно отчетливо видно из ответов на вопрос, касающийся возможностей России усилить свои позиции в Европе, по крайней мере, в ближайшей (10-летней) перспективе. Выяснилось, что доля тех, кто приписывает Западной Европе заинтересованность в наших природных ресурсах, оказывается равной доле той части населения, которая оценивает подобные ресурсы в качестве наиболее реального конкурентоспособного средства России на европейском рынке. Мнение респондентов о том, в каких сферах Россия может усилить свои позиции в Европе в ближайшие 10 лет, распределилось следующим образом (в %): 60 - добыча и экспорт природных ресурсов (нефть, газ, металл, лес и т.д.); 28 - наука и высокие технологии; 26 - производство вооружений; 12 - промышленное производство; 12 - культура и образование; 8 - сельское хозяйство; 6 - возможностей для усиления потенциала России в Европе нет и не будет.

В ответе на данный вопрос выделяется самая младшая возрастная группа. В ней единственной усиление позиций по линии развития науки и высоких технологий оказалось равнозначным сырьевым отраслям (и даже немного их опередило: 47 и 42% ответов соответственно). В этой группе также особо подчеркивается значение образования - 22%, что более чем наполовину выше средних данных по выборке. Кроме того, молодые люди значительно реже своих более старших соотечественников считают, что у России нет возможностей для усиления своих позиций в Европе (среди респондентов до 25 лет соответствующий показатель падает до 1,5%). Что это - юношеский максимализм или вера молодого поколения в свои силы, в возможность переломить ситуацию? Ответ на этот вопрос может дать только время. Вместе с тем следует заметить, что при всей особенности данная возрастная группа отнюдь не выпадает из общих тенденций.

Небезынтересно сопоставить, как соотносятся суждения "простых" россиян с мнениями специалистов. Воспользуемся для этого данными проведенного нами весной 2001 г. экспертного опроса представителей российской внешнеполитической элиты. Как оказалось, точка зрения "обычных" граждан оказалась во многом близкой к взглядам профессионалов, во всяком случае по общему порядку цифр. В принципе это своего рода аттестация массового сознания на степень его информированности о международном положении и адекватности представлений о нем. Самое значительное различие в сопоставлении результатов двух опросов касается экспорта вооружений и ВПК; у специалистов эта позиция получилась в 2 раза весомее, чем в массовом опросе. Исходя из этого, рискнем предположить, что россияне в целом солидаризировались бы с той иерархией приоритетов сотрудничества с ЕС, выявленной в ходе экспертного опроса 2001 г. Какова иерархия подобных приоритетов? 80% экспертов выбрали участие России в общеевропейских технологических проектах (авиация, космонавтика, атомная энергетика, инфраструктура); 64 - сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и организованной преступностью; 57 - укрепление системы общеевропейской безопасности; 54 - отмену остаточной дискриминации в торговле; 39 - расширение формата и повышение результативности политического диалога; 30 - военно-

техническое сотрудничество (с учетом перспективы создания "европейской оборонной идентичности"); 26 - развитие культурных обменов, народная дипломатия; 19 - углубление интеграции и коммерциализации научного потенциала сторон; 19 - содействие становлению евро в качестве международной валюты; 18 - закольцовывание инфраструктурных и информационных систем РФ и ЕС ("европейское информационное общество"); 12 - превращение Калининградской области в "пилотный регион" для отработки механизма взаимодействия с ЕС.

Говоря о перспективах сотрудничества России и Европы, безусловно, следует иметь в виду целый ряд фоновых факторов, как социокультурных, так и исторических, которые оказывают существенное влияние на оценки и суждения россиян. Влияние этих факторов видно даже на отношении наших сограждан к субъектам, связанным с многолетним противостоянием Запад-Восток. Речь идет прежде всего о НАТО. Из всех международных организаций и объединений, в которые входят ведущие страны Западной Европы, именно эта организация хуже всего воспринимается массовым сознанием. Не случайно само упоминание этого термина у 70% респондентов вызывает отрицательную реакцию.

При этом психологический дискомфорт вызывает, по-видимому, не только ассоциация НАТО с военной угрозой, но и неясность функций и целей альянса в отношении России (враги или все же не враги?). Общая размытость ситуации отразилась в первую очередь в ответах на вопрос о том, к чему может привести подписание договора о сотрудничестве НАТО с Россией и возможное заключение союза между ними. Респондентам было предложено несколько вариантов возможных последствий намечившегося сближения России и НАТО. Все они собрали примерно одинаковое количество голосов. 13% считают, что это откроет перспективу вхождения России в блок НАТО в качестве полноправного члена; 17 - это будет равноправный союз, где решения по ключевым вопросам безопасности будут приниматься всеми странами НАТО и Россией коллегиально; 17 - заключение такого союза позволит Западу нейтрализовать негативное отношение России к расширению НАТО на Восток (Прибалтика, Украина и т.п.); 17 - заключение такого союза позволит при необходимости России и НАТО совместно использовать военную силу; 15 - это даст возможность ведущим европейским странам-членам НАТО и России противодействовать господствующим устремлениям США.

Наиболее же популярной (хотя и не преобладающей) оказалась чисто негативная точка зрения: ничего хорошего данный договор не принесет, НАТО является порождением "холодной войны" и его следует распустить. Этот тезис поддержали свыше 27% опрошенных. Причем, если еще в середине 90-х годов общественное мнение россиян заметно расходилось по вопросу об отношении к НАТО со взглядами российской политической элиты (в целом население было настроено более благожелательно и не проявляло в этой связи особой озабоченности), то теперь, похоже, позиции "верхов" и "низов" сблизились и консолидировались. Однако тревоги и сомнения, омрачающие в глазах россиян перспективы сближения с Европой, связаны не только с расширением НАТО. Одним из источников психологической напряженности в последнее время стала и "мирная" экспансия Евросоюза, создавшая непростую ситуацию вокруг Калининградской области. Однако, сталкиваясь с действительным (или воображаемым) "принуждающим воздействием", россияне отнюдь не склонны "прогибаться". И в вопросе о Калининградской области российское общество заняло четкую позицию защиты национального суверенитета. Свыше 60% респондентов высказались за то, чтобы эта территория продолжала иметь такой же статус, как и все другие российские регионы. По 3% придерживаются следующих суждений: "области следует предоставить статус совместного управления России и Европейского сообщества" и "поскольку до войны Калининградская область была частью Восточной Пруссии, эта область со временем может быть присоединена к Германии".

Наряду с этим, почти 20% респондентов, выступая в целом против изменения политического и правового статуса Калининградской области, сочли возможным создание

на ее территории свободной экономической зоны. Сторонники такого подхода - это в основном "средний класс". В его составе преобладают сравнительно обеспеченные граждане с незаконченным высшим и высшим образованием, а также молодые люди до 35 лет.

Хотя приведенные цифры несколько колеблются по социально-демографическим группам и регионам, распределение вариантов ответов россиян о статусе Калининградской области по рангу имеет везде одинаковый характер. При этом география дает более сильные различия, чем возраст, образование, материальное положение респондентов. Если, к примеру, во всех возрастных группах количественное соотношение между поддерживающими российский суверенитет Калининградской области и готовыми хотя бы частично им поступиться довольно стабильно и составляет 11:1 или 12:1, то по регионам зафиксированы очень разные пропорции - от 8:1 до 21:1.

Второй блок проблем, связанных с характером отношений России и Западной Европы, касается вопросов о том, в каком качестве Россия могла бы войти в Европейское сообщество; как это движение увязано с очень непростым процессом реструктурирования постсоветского пространства. Ибо ни для кого еще в полной мере не ясно, как европейский вектор интеграции соотносится с интеграцией в рамках СНГ. Позиция Брюсселя и Страсбурга вполне понятна: для них предпочтительнее строить диалог с Российской Федерацией как с "одной отдельно взятой страной". Однако насколько жизненным является данный подход? Реально Россия является самостоятельным центром притяжения, окруженным своей собственной, хотя и очень неустойчивой, "галактикой". Эту роль россияне понимают и не хотят от нее отказываться.

Во всяком случае, выражая свое отношение к Союзу России и Белоруссии в контексте европейских перспектив российской политики, почти половина опрошенных (47%) присоединились к тому мнению, что надо стремиться к скорейшему завершению создания союзного государства. Еще около 30% предпочли бы ограничиться интеграцией российской и белорусской экономик, но сомневаются в необходимости создания союзного государства. Высказавшихся против особых отношений с Белоруссией, тех, кто предпочел бы строить их как с любым другим соседним государством, оказалось сравнительно немного - около 12%. И, наконец, только 5% россиян сочли правильным дистанцироваться от А. Лукашенко, поскольку эта фигура неприемлема для Запада и мешает взаимопониманию России и Европы.

В определенной мере взгляды россиян на современные интеграционные процессы проясняют также ответы наших респондентов на вопрос о том, как, по их мнению, могут повлиять на позиции России в Европе ее отношения с Украиной. Примерно 23% считают, что лучше всего интегрироваться, выступая "единым фронтом" (в рамках "славянского союза"), а около 29% согласились с тем, что в этом вопросе каждый должен действовать самостоятельно, не оглядываясь друг на друга. Обращает на себя внимание то, что более четверти россиян не одобрили бы попыток мешать Украине налаживать отношения с ЕС самостоятельно, в том числе "в обход" России. Однако до трети респондентов убеждены в том, что ни Украину, ни Россию никто там не ждет, и наилучшими вариантами для наших стран было бы, не оглядываясь на Европу, строить свое собственное политическое объединение - тройственный союз славянских государств (Россия-Белоруссия-Украина).

Развитие отношений России с Европейским сообществом, безусловно, зависит не только от существования направляющих нас на путь сотрудничества взаимных интересов, но и от степени культурно-психологической близости россиян и европейцев. В этой связи уместно поставить вопросы о том, насколько "европейскими" являются культурные интересы россиян, насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой, как диалог России и Европы преломляется в культурной практике "среднестатистического" россиянина?

В первую очередь отметим: в целом россияне склонны рассматривать свою культуру как европейскую. Этот факт был социологически зафиксирован еще в одном из ранее проведенных нами исследований, в ходе которого респондентам предлагалось ука-

зять место российской культуры на условной шкале Запад-Восток. В итоге в "западной" части шкалы сгруппировались в общей сложности 60% ответов, а самом центре - около четверти, а в "восточной" - менее 17%. Однако при сопоставлении умонастроений российского общества с данными, характеризующими состояние массового сознания в других странах Европы, выявляются существенные различия как по базовым жизненным смыслам, так и по характеру интегральной "картины мира". Это касается, в частности, ценностной маркировки оси времени (прошлое - настоящее - будущее), взглядов на государство и демократию, представлений о правопорядке и правовых нормах, понимания связи между политическими правами и свободами и др. При этом по некоторым важным позициям в последние годы выявлялись расходящиеся тенденции. Это относится, например, к соотношению между гражданской и национальной идентичностью⁴.

Данные, полученные нами в ходе проводившегося весной 2000 г. социологического исследования "Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на XXI век", показывают, что культурные интересы образованных слоев российского общества достаточно разносторонни, но в целом они ориентированы на отечественную культуру. Абсолютным фаворитом, с точки зрения массовых вкусов, является старое советское кино: оно безусловно нравится почти 85% россиян, а безусловно не нравится менее, чем 1,5%. Одним из столпов духовного мира по-прежнему остается русская классическая литература, существенно опередившая по положительным откликам не только зарубежную классику (60% против 40%), но в еще большей степени произведения современных писателей. Вместе с тем среди этих последних приоритет также был отдан российским авторам - почти 37% против 26%.

В целом можно сказать, что современная зарубежная культура больше всего импонирует молодежи до 30 лет. Здесь по ряду позиций обнаруживаются чрезвычайно резкие межпоколенческие различия. Например, зарубежные фильмы привлекают почти 60% молодых людей, в то время как среди респондентов среднего возраста (31-50 лет) этот показатель почти в 2 раза, а среди самих старших (после 50 лет) почти в 4 раза ниже. При этом меняется и соотношение симпатий между современными зарубежными и отечественными лентами: если средняя и старшая возрастные группы отдают предпочтение российскому кинематографу (причем вторая - со значительно большим преимуществом), то у молодых зрителей перевесил интерес к зарубежным постановкам (60% против 50% соответственно). Сходная, хотя и более "сглаженная" картина наблюдается в области читательских предпочтений.

Настоящее исследование конкретизировало общую картину культурных ориентации российского общества применительно к проблемам российско-европейского сотрудничества. При этом смысловой акцент задававшихся респондентам вопросов был перенесен с культурных предпочтений на реальную культурную практику россиян. Как респонденты в течение последнего года знакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры? 57% посмотрели европейский кинофильм; 56 - телевизионные передачи, посвященные европейской культуре; 27 прочитали книгу европейского писателя; 21 слушали радиопередачи, посвященные европейской культуре; 4 получали информацию о жизни и культуре Европы через Интернет; 20 получали информацию о жизни Европы от друзей и знакомых, проживающих или часто бывающих там; 6 посетили выставку, посвященную европейской культуре; 6 сходили на концерт европейских артистов; 5 посетили одну из европейских стран; 22 за последний год не знакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры. Можно подытожить: знание о Европе у значительной массы, если не у большинства, - это знание на уровне "экранной картинки". Не случайно, когда "средний" российский гражданин пытается дать вербальный ответ на вопрос о том, что приходит ему на ум в связи с названием какой-либо европейской страны, он вспоминает в первую очередь ее телевизионные виды.

Культурное пространство России, если рассматривать его с точки зрения перспективы культурной интеграции с Европой, чрезвычайно неоднородно. В этом плане особо вы-

деляются мегаполисы, выступающие в своеобразной роли "конденсаторов" социокультурного зарубежного опыта. Отметим, что ни областные центры, ни даже районные города практически не уступают Москве и Санкт-Петербургу по степени "телевизионной" знакомства с европейскими странами. Практически в равной степени доступна и информация от часто бывающих в Европе или постоянно там живущих друзей и знакомых. Правда по мере понижения административного статуса и величины поселения падает читаемость книг европейских писателей. Перепад по этому показателю между занимающими полярно противоположные позиции типами поселений (мегаполис - село) - практически двукратный. А вот, что касается специальных изданий о жизни и культуре в странах Европы, то население небольших городов прибегает к ним почти наравне с москвичами и петербуржцами, а областные центры в этом отношении даже немного опережают мегаполисы.

Вместе с тем, когда мы обращаемся к показателям, характеризующим интенсивность *непосредственных* контактов с жизнью и культурой современной Европы, картина становится совершенно другой. Здесь четко обозначаются разрывы культурного опыта, причем последние заметны уже при сопоставлении Москвы и Санкт-Петербурга с другими крупными городами. Различия между областными центрами и глубиной также значительны, но все же они в целом менее выражены. Так, например, за последний год в странах Европы удалось побывать приблизительно каждому шестому респонденту-жителю мегаполисов, в то время как в областных центрах этот показатель почти в 4 раза ниже. Возможности селян в этом плане еще более ограничены, но все же за год их побывало за границей всего на 25% меньше, чем жителей областных центров. Жители Москвы и Санкт-Петербурга в 2-3 раза чаще, чем жители других крупных городов, бывают на выставках, посвященных европейской культуре, и на концертах европейских артистов. Наконец, существуют очень сильные различия в плане включенности в международное общение через Интернет: информацию о жизни и культуре Европы получают этим путем свыше 8% жителей мегаполисов, в то время как в областных центрах - 5%, в районных центрах - 3%, на селе - 2%.

Впрочем, социокультурная среда российских мегаполисов в свою очередь также неоднородна, и линии культурно-информационного взаимодействия с Европой распределены в ней весьма неравномерно. Дело в том, что "чувствительность" к европейским влияниям в современном российском обществе зависит от социально-демографических различий. Возраст россиян, когда проявляется наибольший интерес к европейской жизни и культуре, - приблизительно до 40 лет. В этот период интенсивность зарубежных поездок (удалось ли за последний год посетить хотя бы одну европейскую страну?) держится с небольшими колебаниями в диапазоне 6-7%. Чтение книг зарубежных писателей - 31-38%, посещение выставок и концертов - 7-12%, чтение специальных изданий о Европе - 25-35%, просмотр европейских фильмов - 62-78%, телепередач, посвященных европейской культуре, - 57-68%. Респонденты в возрасте до 35 лет наиболее активно используют для получения информации о европейской жизни и культуре Интернет.

Не раз уже отмечалось, что мощным фактором дифференциации культурных практик в современной России стал уровень материального благосостояния. Это, естественно, имеет свое специфическое преломление в сфере культурных контактов россиян с Европой. Так, среди той части наших респондентов, которые представляют "средний класс", побывало за последний год в Европе в 2,5 раза больше респондентов, чем среди тех, кто аттестовал себя как низкообеспеченных, и в 5,5 раз больше тех, кто живет за чертой бедности. Примерно аналогичный разрыв зафиксирован и по такому показателю, как получение информации о культуре и жизни европейских стран через Интернет. Малообеспеченные в 2 раза, живущие за чертой бедности в 3 раза реже ходят на концерты европейских артистов, почти не посещают выставок и даже меньше читают. Единственное, в чем малоимущие слои населения почти не уступают более состоятельным соотечественникам, - это интерес к освещающим зарубежную жизнь телепередачам. Вместе с тем материальное благосостояние чаще всего оказывает

влияние на культурную практику не само по себе, а в комбинации с другими социальными факторами, определяющими "базисный" уровень духовного развития данного индивида. Понятно, в частности, положительная корреляция между степенью проявления интереса к жизни и культуре Европы и уровнем образования. Тем не менее, дело не только в образовании как таковом, но и в роде занятости, в принадлежности к той или иной социально-профессиональной группе.

Именно в принадлежности к определенной социально-профессиональной группе сходятся все основные детерминанты потребления культуры, как субъективные (уровень подготовки, характер воспитания, социальная среда), так и объективные (уровень дохода, доступ к различным культурно-информационным ресурсам по роду занятий и т.д.). В целом социально-профессиональные группы, на которые делится современное российское общество по их отношению к культурно-информационному взаимодействию с Европой, можно отнести к трем основным типам - "осведомленным", "интересующимся" и "отстраненным". При сопоставлении между собой социокультурных типов, занимающих в нашей классификации противоположные позиции ("осведомленных" и "отстраненных"), видны очень значительные (многократные) перепады показателей: так, среди рабочих, пенсионеров и жителей села доля побывавших в течение года в Европе в 8-10 раз меньше, чем у предпринимателей, и в 3-4 раза меньше, чем у студентов, посещаемость концертов и выставок - в 5-10 раз, а интернет-включенность - в 10-20 раз ниже, чем у лидирующих социально-профессиональных групп. Если условно соотнести эти типы с определенными социальными группами (принадлежность к которым может быть зафиксирована формально), то получится следующая пропорция: соответственно 15 : 25 : 60. При этом, судя по количеству тех, кто отрицательно ответил на вопрос, приходилось ли ему (ей) в течение года знакомиться с какими-либо явлениями культуры из жизни европейских стран, до четверти россиян практически вообще не включены в какое-либо систематическое взаимодействие с культурным полем Европы, и европейские влияния могут доходить до них лишь эпизодически.

Вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) глубоко укоренен в проблематике российской идентичности и уже в силу этого вряд ли может решаться на основе простой калькуляции взаимных выгод. Здесь всегда есть некий иррациональный остаток, который может проявляться то в предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже "разумные" (с точки зрения партнера) аргументы. Вот почему в ходе анализа перспектив российско-европейского сотрудничества на разных направлениях важно учитывать не только объективные возможности, а также цели, намерения, стратегии политических элит, но и общую тональность смыслов и эмоциональных ассоциаций, сопрягаемых в массовом сознании с образом Европы.

На фоне резкого падения симпатий россиян к США, восприятие Европы выглядит устойчиво позитивным. Весной 2000 г. благоприятные ассоциации со словом "Европа" зафиксированы у 83% респондентов, а летом 2002 г. - у 79%. Это намного выше, чем соответствующий показатель по слову "Америка" (57% и 43%). Удивительным кажется выявленное различие в оценках понятий "Европа" и "Запад". В 2000 г. оно почти достигло отметки в 40%, в 2002 г. - составило 30%. Парадоксальным кажется и то, что аналогичный (лишь ненамного меньший) перепад показателей разделяет понятия "Европа" и "Европейский союз (ЕС)". Летом 2002 г. положительные ассоциации с первым из них зафиксированы у 79%, а со вторым - только у 59% респондентов. Соотношение же уровней антипатии составило 14% и 21% соответственно. Ясно, что Европа как особое культурно-историческое образование ближе и понятнее россиянам, чем Европа - ЕС, выступающая в виде институционального субъекта международной политики. Исходя из этих пояснений, очевидно, и надо интерпретировать ответы россиян на вопросы, проясняющие их взгляды на место, которое может или должна занимать в Европе Россия.

Реконструировать образ Европы в массовом сознании россиян и лучше уяснить, как он соотносится с образом России, позволяют ответы на один из вопросов настоя-

Распределение ответов респондентов на вопрос "Какие из приведенных ниже слов в наибольшей степени отвечают вашим представлениям о ведущих странах Западной Европы, а какие - о России?" (%)

Термины	Западная Европа	Россия
Права человека	79,9	16,9
Расцвет	66,9	16,7
Гуманизм	41,4	38,1
Угроза	43,2	24,6
Воля	29,0	42,3
Культура	64,4	56,5
Слабость	12,3	57,3
Комфорт	82,4	3,8
Благополучие	88,8	6,1
Угасание	14,0	43,6
Угнетение	18,7	42,3
Скука	27,3	33,8
Свобода	58,9	34,2
Кризис	14,3	79,6
Безопасность	52,6	16,8
Насилие	39,2	56,9
Цивилизация	78,7	15,7
Патриотизм	25,0	68,4
Интеллект	41,5	61,6
Энергия	34,8	49,0
Честность	27,6	40,3
Духовный мир	29,8	63,6
Лицемерие	55,6	35,1
Диктат	35,4	27,4
Дисциплина	70,1	9,4
Наркотики	75,4	75,6
Моральный упадок	32,5	63,1
Демократия	62,9	28,6
Эгоизм	50,0	29,0
Гармония	37,2	18,0
Взаимопомощь	30,7	55,0
Мир	37,3	44,0
Сила	45,2	48,5

шего исследования, согласно которому респондентам надо было отметить в предложенном им списке слова, ассоциирующиеся с Западной Европой или/и с Россией (табл.).

Если выделить 4-5 общезначимых смысловых ассоциаций, которые респонденты отмечали чаще всего, то окажется, что "Западная Европа" для россиян это, в первую очередь, - *"права человека"*, *"благополучие"*, *"комфорт"*, *"цивилизация"*, *"дисциплина"*. На указанных характеристиках сходятся все возрастные и все образовательные группы. Но у респондентов с высшим образованием, а также у тех, чей возраст превышает 30 лет, к данному перечню прибавляются еще *"наркотики"*. Россия у наших сограждан, к сожалению, ассоциируется сегодня в первую очередь с *"кризисом"* и наркотиками, к которым в ряде социально-демографических групп добавляется *"моральный упадок"*. И только вслед за этими негативными для всех словами в семантическое ядро образа России входят позитивные элементы. Это такие слова, как *"патриотизм"*, *"духовный мир"*, *"интеллект"*.

Среди других, статистически менее выраженных, но все же отчетливо характеризующих Западную Европу, смысловых ассоциаций респонденты называли такие, как *"расцвет"*, *"культура"*, *"безопасность"*, *"свобода"*, *"демократия"*. Однако вместе с

ними и такие, как "эгоизм", "лицемерие" (все они были отмечены по крайней мере половиной респондентов). А применительно к России довольно часто назывались и такие слова, как "культура", "слабость", "взаимопомощь", а также очень близко подошедшее к 50% отметке слово "энергия".

Сопоставляя полученные данные, нетрудно установить, что смысловые поля рассматриваемых нами образов ("Западная Европа" и "Россия") почти не пересекаются, во всяком случае, - в зонах своей наивысшей интенсивности. Единственная точка, где соприкасаются смысловые ядра этих образов (примерно на уровне 75%) - это "наркотики". Практически по всем смысловым позициям, которые в массовом сознании воспринимаются как атрибуты Западной Европы, Россия получила очень низкие баллы (в целом по массиву от 4 до 17% положительных констатаций). Вместе с тем, по тем чертам и признакам, которые в глазах наших сограждан в наибольшей степени характеризуют Россию, она получила в 1,5-2 раза больше голосов, чем Западная Европа. Относительно близкие показатели были зафиксированы лишь по некоторым не столь значимым в статистическом отношении признакам: "культура" (Европа - 64,4%, Россия - 56,5%), "гуманизм" (соответственно - 41,4 и 38,1%), "скука" (27,3 и 33,8%) и др.

Особого упоминания заслуживает соотношение России и Западной Европы на шкале таких качеств, как "сила - слабость". Вряд ли следует удивляться тому, что "слабость" в настоящее время ассоциируется преимущественно с Россией. Во всяком случае к нашей стране его отнесли свыше 57% опрошенных, тогда как к Западной Европе - всего 12,3%. Вместе с тем одновременно и даже как бы независимо от этого России приписывается и противоположное качество - сила. Причем по этому показателю она даже немного опередила Западную Европу (48,5% против 45,2%). Несложный подсчет показывает, что почти 6% респондентов, заполняя свои анкеты, отметили в колонке "Россия" и ту, и другую позицию. Это говорит с одной стороны, о некоторой противоречивости массового сознания, затрудняющегося в характеристике своей собственной страны, а с другой, возможно, и о неоднозначности современной российской действительности.

Анализ данных показывает, что и образ России, и образ Западной Европы в массовом сознании в достаточной степени инвариантны относительно социальных и демографических различий. Во всяком случае, какие-либо отчетливые тенденции, выявляющие разрывы в интегральном восприятии России и Европы, не обнаруживаются. Несколько иначе выглядит картина, если в качестве дифференцирующего признака рассматривать тип поселения. В этой связи можно говорить об очень заметных различиях между жителями мегаполисов, с одной стороны, и остальным населением. Причем различия эти носят *фронтальный* характер. Общая закономерность состоит в том, что в обеих российских столицах образ России представляется в целом заметно более привлекательным. Зато применительно к Западной Европе значения соответствующих индикаторов во многих случаях снижаются, негативные же характеристики усиливаются. В результате Западная Европа в сознании жителей мегаполисов почти сравнялась с Россией по такой характеристике, как "моральный упадок" (Европа - 51,4%, Россия - 57,8%) и существенно уступила ей по интенсивности смысловой связи с понятием "культура" (54,0% против 76,0% соответственно).

В целом же сопоставляя свою страну с Западной Европой, россияне отнюдь не чувствуют себя подавленными или тем более "потерпевшими поражение". И это ощущение во многом определяет в их глазах условия и рамки сотрудничества с Европой. Скептический настрой россиян относительно делового взаимодействия с европейскими странами тесно связан с оценками наших сограждан возможных мотивов, которыми, по их мнению, Западная Европа руководствуется при сотрудничестве с Россией. Несмотря на острую восприимчивость целого ряда проблем в российско-европейском сотрудничестве, современное российское общество ни в коей мере не является изоляционистским. Европейский вектор сотрудничества в общественном мнении россиян является на сегодня все-таки приоритетным. Главный вопрос у россиян сегодня: готовы ли европейцы со своей стороны идти навстречу потребностям и ожиданиям

ям российского общества, или они ориентируются только на свои собственные представления о том, что *должны* делать россияне? "Европейские устремления" сочетаются у россиян с пониманием своих сильных сторон и возможностей, прежде всего в духовной сфере, а также с осознанием ценности своего исторического опыта и находящегося в стране природных ресурсов. В целом россияне настроены на интеграцию, но они хотели бы входить в Европейское сообщество как *Россия*, а не как еще одна приведенная к "европейским стандартам" восточноевропейская страна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данное исследование проведено в июне—июле 2002 г. по репрезентативной выборке в 11-й территориально-экономических районах страны (согласно районированию, принятому Госкомстатом России): Северо-Западном, Северном, Центральном, Волго-Вятском, Центральночерноземном, Северо-Кавказском, Поволжском, Уральском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском, Дальневосточном, а также в Москве и Санкт-Петербурге. По квотной выборке опросу подлежали 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт и строек; инженерно-техническая интеллигенция, гуманитарная интеллигенция (преподаватели вузов, ПТУ, ученые, учителя школ); работники торговли, сферы бытовых услуг, транспорта и связи; служащие, предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД, жители сел и деревень, городские пенсионеры, студенты вузов, безработные. Опрос 1750 человек проводился в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.
- ² Анализ эволюции массового сознания россиян в отношении места России в мире, ее внешней политики и сотрудничества с другими государствами осуществлен в предшествующих общенациональных исследованиях ИКСИ РАН (ранее РНИСиНП): "Массовое сознание россиян в период трансформации: реальность против мифов" (1995 г.); "Что думают россияне о Германии и немцах?" (1996 г.); "Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" (1998 г.); Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на новое столетие // Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000; Горшков М. Народ и "партия" едины // Известия. 2001. 30 июня.
- ³ Эксперты о внешней политике России // Социол. исслед. 2002. № 3.
- ⁴ См.: Россия на рубеже веков. М., 2000.

Материал к печати подготовил В.В. ПЛАТКОВСКИЙ